

СЛАВЯНСКИЕ СОМАТИЗМЫ “КОЖА” И “ШКУРА” И ИХ ВТОРИЧНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ*

©2012 г. Е. Л. Березович, И. А. Седакова

В статье на материале славянской лексики и фразеологии исследуется система дериватов от слав. **kož-* и **skor-*. Кожа как “оболочка” и “футляр” (“контейнер”) совмещает в себе оба полюса оппозиций “внутреннее – внешнее”, “свое – чужое”, “чувственное – телесное” и др., задавая амбивалентные направления в развитии семантической деривации.

This article, focusing on Slavic vocabulary and phraseology, explores the derivative system springing from the Slavic **kož-* and **skor-*. “Skin” as an “integument” and as a “container” embraces such polar opposites as “internal – external”, “personal – alien”, “sensual – somatic”, etc., there by pointing ambivalent ways for semantic derivational processes.

Ключевые слова: славянская лексикология, фразеология, деривация, метонимия, метафора, соматизмы, наивная анатомия.

Key words: Slavic lexicology, phraseology, derivation, metonymy, metaphor, somatism, naive anatomy.

Соматизмы – древнейшая и неизменно актуальная часть лексикона, обладающая богатой и разветвленной семантической деривацией и фразеологией. В этой статье мы обратимся к “кожам” и “шкурам” – лексико-фразеологическим гнездам, образованным на основе слав. **kož-* и **skor-*¹, но

будем рассматривать не столько собственно соматизмы, сколько совокупность их вторичных значений, а также фразеологию с их участием.

К анализу привлекаются данные разных славянских языков – общенародная и диалектная лексика и фразеология. В качестве дополнительного материала используются некоторые этнографические и фольклорные факты.

Исследуемые корни имеют следующие этимологические значения: праслав. **kož-* – “козья шкура” [7, вып. 12, с. 35–36], **skor-* – “кора, кожа, оболочка”, с возможной конкретизацией – “невыделанная шкура, кора, снятая, соответственно, с животного или растения”, что подтверждается дальнейшими этимологическими связями праслав. **skor-*, ведущими к и.-е. (*s*)*ker-* ‘резать’ [8, s. 547; 9, s. 663; 10, s. 553; 11, т. 12, с. 167]. При анализе производных **kož-* и **skor-* необходима существенная оговорка: в отдельных славянских языках разнятся представленность данных корней (так, в болгарском отсутствуют дериваты **skor-*, в украинском редки дериваты **kož-*) и объем их значений. При этом дериваты обладают общей базовой семой “оболочка”, которая конкретизируется в различных направлениях: “кожура”, “скорлупа”, “шкурка”, “кора”, “пенка на молоке” и др.²

В данной статье рассматриваются производные **kož-* и **skor-*, продолжающие три исходных значения: 1) кожа человека; 2) шкура животного;

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП “Научные и научно-педагогические кадры инновационной России” (тема “Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении”) и Программы Президиума РАН “Балканский текст в этнокультурной и этнолингвистической перспективе”. Авторы благодарят С. М. Толстую за ценные консультации при подготовке статьи.

¹ Несмотря на неослабевающий интерес исследователей к соматической лексике, к “телесным” концептам, “кожа” не входит, кажется, в круг хорошо изученных тем. Из известных нам работ отметим содержательную статью И.В. Утехина “Представления русских о коже”, которая основана главным образом на материале паремиологии и фразеологии, не ограниченном определенными корнями [1]. Есть исследования, в которых образы кожи и шкуры изучаются преимущественно на внеязыковых данных. Так, А.В. Гура, автор статьи “Шкура” в словаре “Славянские древности”, оперирует славянскими фактами этнографического и фольклорного характера [2]. Подобная работа, выполненная на болгарском материале, представлена в [3, с. 62–67]. В энциклопедии “Българска народна медицина” нет статьи “Кожа”, но есть статья “Шкура”; при этом значительное внимание в данном издании уделяется высыпаниям и др. кожным заболеваниям человека, которым посвящены отдельные статьи [4]. В исследованиях заговорной традиции также анализируется концепт кожи: например, в монографии Т.А. Агапкиной определяются мотивы заговоров, возникшие на основе представлений о причинах и сущности кожных заболеваний (чистота – нечистота, цвет, цветение, множественность и др.) [5, с. 400–441]. Образность, передающая восприятие кожных болезней, изучается и в книге Т.В. Володиной, где, помимо данных фольклора, обряда и верований, рассматриваются языковые факты [6, с. 271–281].

² Дистрибуция континуантов **kož-* и **skor-* (особенно с учетом **kor-*) в современных славянских языках – отдельная, большая и важная тема, которая требует специального анализа.

3) кожа и шкура как материал. Особое внимание будет уделено первому значению; третье значение, по сути, не является соматическим – и факты, возникшие на его основе, не должны учитываться в настоящей работе, однако в некоторых случаях их трудно отличить от результатов семантической деривации на базе второго значения.

Вторичные смыслы, появившиеся на основе этих значений в двух анализируемых гнездах, во многом совпадают, хотя есть и показательные различия. В тех языках, где представлены оба корня (например, в русском), продолжения **skor-* более экспрессивны и чаще используются в выражениях с негативной семантикой – из-за прозрачной связи с представлениями о животных, дикой природе (в противовес человеку и культуре), а также вследствие фоносимволической выразительности корня (в варианте с начальным *š*). В таких языках рассматриваемое смысловое пространство включает в себя также отношения между продолжениями **kož-* и **skor-* (эти отношения являются отдельным объектом изучения, который в полном объеме не может быть проанализирован в настоящей статье). В тех же языках, где присутствуют дериваты одного корня, наблюдаются иные системные отношения. Так, в болгарском языке, где для обозначения и кожи, и шкуры фиксируются только дериваты **kož-*, на месте рус. *шкура* появляется *кожица* с уменьш.-ласкат. суффиксом: *кожицата ще ти одера* (“шкуру с тебя спущу”), *спасявам кожицата си* (“спасать свою шкуру”), *пазя кожицата си* (“беречь свою шкуру”) [12, с. 272].

Прежде всего несколько замечаний о соматическом статусе кожи и шкуры.

В наивных представлениях коже не приписывается ясно сформулированная доминантная функция (имеющаяся у рук, зубов, глаз, ушей и проч.), поэтому ее нельзя отнести к тем частям тела, которые Н.Д. Арутюнова называет функциональными (нога, хвост, палец, нос, рука и др.), – в отличие от топографических органов (“пространств”): бок, спина, темя, щека и др. [13, с. 16]. Однако кожу трудно объединить и с последними, поскольку у нее есть пространство – и даже трехмерное (“внутри” нее находится тело): в коже “не помещаются”, в нее “входят”, “влезают”, из нее “выходят” (примеры см. ниже). При этом она не имеет определенного места, локуса на “карте” организма. Важнейшим свойством кожи, получающим многоплановое развитие в словообразовании и фразеологии, оказывается то, что она покрывает все тело, выступает в роли “контейнера” для него, цельной оболочки, т. е. не является

в буквальном смысле “частью тела”, ср.: “Кожа уникальна прежде всего в том отношении, что она покрывает все тело целиком, являясь, таким образом, самым большим органом, границей организма и мира” [1, с. 99]. Отсюда метонимические обозначения человека и животного, ср. рус. костр. *кожица* ‘о младенце (в том числе некрещеном), о маленьком ребенке’: “Кожица ешшо, не крестили, по имени не называют, а кожейцей”, “На работу не ходит, кожица у ёй, маленькая совсем” [14], арх. *шкура* ‘медведь’ [15]³. Стоит вспомнить, что свойство метонимического развития значений вообще присуще словам, имеющим исходную семантику “контейнера” (как увидим в дальнейшем, метонимия может “перетекать” в метафору, ср., к примеру, рус. простореч. *шкура* ‘стяжатель’).

В наивной анатомии, в отличие от научной, не учитываются или слабо проявлены некоторые свойства кожи – например, ее участие в дыхании и других обменных процессах. Сказанное не означает, что наивное сознание не приписывает коже каких-либо формальных или функциональных признаков (о значимости этих групп признаков для семиотического описания частей тела см. в [17]). Они, безусловно, есть: к формальным относится, например, текстура, цвет и “качество” кожи, к функциональным – “чувствование” (осязание), ведь кожа – основной орган для этого чувства. Способность кожи к осязанию наделяет ее информационными функциями, выполняемыми “теми соматическими объектами, которые передают человеку сведения о внешнем мире и осуществляют их первичную обработку” [18, с. 47]. Информация, однако, идет в двух направлениях: через кожу внутрь и через кожу вовне: кожа служит “передатчиком” событий внешнего окружения человека для его внутреннего мира, – и наоборот, она сигнализирует об изменениях, происходящих внутри (ср. *побледнеть*, *покраснеть*, *позеленеть*, отражающие изменение цвета кожи вследствие испытываемых чувств).

Функции кожи как соматического объекта определяются как нефизиологические биологически обусловленные: биологическая обусловленность состоит в том, что они определяются устройством организма человека; нефизиологичность – в том, что выполнение функций в принципе подконтрольно воле человека [18, с. 45–46]. Однако, как мы увидим далее, в наивном языковом сознании

³ Показательна также традиция счета животных, в том числе убитых, “по шкурам” и “по козам”, ср. арх. *кожа* ‘убитый на промысле морской зверь’: “– Каков промысел? – А по десяти кож попало на лодку” [16, вып. 14, с. 49].

“действия” кожи далеко не всегда контролируются волей, зачастую неподотчетны и инстинктивны.

Будучи “футиляр” для того, что содержится внутри человека (его сущность, эмоции и др.), кожа или шкура служит границей между внешним и внутренним, чужим и своим. Кожа непроницаема и проницаема, отделяема и неотделима от человека или животного. Она защищает и охраняет – но и подвержена повреждениям, ранима. Кожа скрывает, прячет многие человеческие проявления, но вместе с тем и демонстрирует, обнаруживает их. Она принадлежит как природе, так и культуре, – тогда, когда выделяется, становится материалом⁴.

Эти предварительные рассуждения показывают, что многие свойства и функции кожи могут быть представлены в виде оппозиций, в которых ей приписываются противоположные смыслы – в зависимости от смены оценки и точки зрения говорящего. Из основной оппозиции – обращенности кожи вовне (к окружающему миру) и внутрь (к самому человеку, как телесному, так и духовному) – прорастает амбивалентность значений и оценок, обнаруживаемая у производных **kož-* и **skor-*, а также в соответствующей фразеологии. Такая амбивалентность составляет “нерв” изъяснимого языкового образа, что мы и постараемся показать в данной статье.

В ходе дальнейшего изложения будут приниматься во внимание:

- ✓ основные тематические сферы вторичных значений (в том числе культурной семантики);
- ✓ предикаты, с которыми сочетаются “кожа” и “шкура” в составе фразеологизмов;
- ✓ системные отношения с другими соматизмами (в их вторичных значениях).

ОСНОВНЫЕ ТЕМАТИЧЕСКИЕ СФЕРЫ ВТОРИЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ. Ниже дается краткая характеристика наиболее значимых смысловых сфер, в которых проявляются вторичные значения “шкурной” лексики.

Существо и существование человека. Кожа – своеобразный двойник человека, она способна выражать его натуру, сущность (не случайно “выйти из кожи” = “выйти из себя”, а “залезть в чужую шкуру” = “понять другого челове-

ка”, подробнее см. далее), ср. польск. *pokazywać prawdziwą skórę* (“показать настоящую кожу”) ‘обнаруживать свою истинную натуру’ [19, т. 2, s. 128], *znać człowieka po skórę* (“знать человека по коже”) ‘каков человек есть, можно понять сразу – по внешности, “поверхности”’ [19, т. 2, s. 129]. В данном случае “кожа” – аналог “лица” (в значении ‘индивидуальный облик, отличительные черты кого-, чего-л.’), ср. рус. литер. *показать истинное лицо*. Но если предикат “менять лицо” имеет в языке негативную оценку⁵, то смена кожи воспринимается неоднозначно⁶. С одной стороны, такое восприятие может быть нейтральным: рус. *В одной коже, в одном перье – века не изживешь* [21, с. 552], ср. также блр. диал. *векаваць у адной шкуры, звекаваць у адной шкуры* ‘(про)жить без перемен’: “Разве ён збіраецца векаваць у адной шкуры, ета яму не удасца”; “Як ты ні старайся, дык у адной шкуры не звякуеш, назнаеш у жыцні і белого і серого” [22]. С другой стороны, смена кожи может расцениваться негативно – если учесть, что при такой смене меняется главным образом внешнее, а не внутреннее (рус. перм. *шкуру переверотить* ‘скрыть или изменить свои взгляды, убеждения’⁷: “Кто были раньше, те же у власти и сидят; шкуру переверотили и сидят” [23, с. 257]), и этот процесс по отношению к людям, а не животным, может расцениваться как “хамелеонство”, ср. польск. *Człowiek nie zrzuca swojej skóry jak wąż* (“Человек не сбрасывает свою кожу, как змея”) [24, т. 3, s. 220]⁸.

⁵ Об этом говорит, к примеру, слово *лицемер*, которое ведет происхождение из церк.-слав., ср. ст.-слав. *лицемѣрь*. По одной из версий, первоначально это сложение *лице* и *мѣнь* (рус. *мена*) ‘меняющий лицо’; сближение второго компонента с *мѣра*, *мѣрими* вторично; другая версия допускает влияние греч. *prosōpolēptēs* ‘лицеприятный’ < *prōsōpon* ‘лицо’ + *lēptēs*, прил. от *lambánō* ‘брать’, т. е. ‘принимающий лицо кого-н. другого’ [20, с. 411].

⁶ В некоторых случаях такую смену следует рассматривать в контексте оппозиции “человеческое – животное”. Если для многих животных смена кожи (шкуры) – обязательный сезонный процесс, то для человека он невозможен. Кроме того, смена кожи на шкуру (превращение человека в волка, медведя, ср. также *волколак*) – одно из основных проявлений оборотничества, т. е. реализации оппозиции “человеческое – демоническое”.

⁷ Дефиниция словаря здесь, думается, не совсем точна: речь идет именно о формальном изменении, не меняющем сущности.

⁸ Показательно, что авторы многих статей по поводу “ре-брендинга” партии “Единая Россия”, которые появились в Интернете в конце 2011–начале 2012 г., вставляли в свои тексты в том или ином виде строчку “Только змеи сбрасывают кожи”, отсылающую – в соответствии с современной модой на игру с цитатами – к стихотворению “Память” Николая Гумилева: “Только змеи сбрасывают кожи, Чтоб душа старела и росла. Мы, увы, со змеями не схожи, Мы меняем души, не тела”.

⁴ Вообще, в “шкурной” лексике и фразеологии чувствуется след охотничьих и скотоводческих традиций, практики обработки шкур и проч.; признаки тягучести / способности лопаться, прочности и проч., реализуемые во вторичных значениях, проявляют восприятие кожи и шкуры именно как материала.

Сущность человеческая не только обнаруживается кожей, но и концентрируется внутри, прячется под ней, ср. серб. *под кожом* ‘в природе человека’ [25, 9, с. 712]. “Под кожей” – как правило, означает “в крови”, ср. рус. литер. *это в крови* (у кого-л.) ‘о том, что присуще, свойственно кому-л., обнаруживает его натуру, характер’. Получается, что образ кожи по отношению к такому смыслу, как “натура, сущность человека”, проявляет амбивалентность, выражая и тот, и другой полюс оппозиции “внешнее – внутреннее”. Кожа является той границей, пересечение которой, согласно языковым данным, означает раскрытие, снятие покрова.

Язык трактует кожу также как “образ” человека, его “отпечаток”, который воплощает сущность человека, ср. рус. перм. “Раньше люди-те не фотографировались, говорили: *чёрт кожу снимает*. Грешно считали шибко” [23, с. 407]⁹.

“Сползание” кожи в сторону внешнего (в оппозиции с внутренним) проявляется в том, что иногда она символизирует именно материальную сторону человеческой жизни: чеш. диал. *npraviti si kůži* (“разгладить свою кожу”) ‘улучшить свое материальное положение, состояние’ [26, с. 198], серб. *кожа* ‘имущество’: “Све [се] више прибојавао због своје властите коже” (“Более всего он опасался за свою кожу”) [27, кн. 2, с. 767]. Эта грань символики в наибольшей степени присуща “шкурам”, что объясняется различием кожи человека (отсутствие на теле волосяного покрова) и шкуры животного¹⁰. Шкура может восприниматься как мех – со всеми “культурными последствиями”: вывороченная шкура, мех (“волосатость”) символизирует богатство¹¹.

⁹ Фотографирование воспринимается здесь как снятие кожи – и при таком восприятии фотоснимок связан с человеком не условной, а безусловной связью. Эта связь подобна той, что в сказках соединяет лягушачью шкурку и царевну-лягушку: если уничтожение шкурки может повредить царевне, то фотографирование – человеку.

¹⁰ При этом народная культура может признавать “преемственность” человеческой кожи и шкур животных: так, славянам известны фольклорные тексты о том, что первые люди (Адам и Ева) были покрыты, как животные, шкурой, которая их защищала от холода и других воздействий внешней среды [2].

¹¹ Многочисленные примеры использования шкуры как символа богатства фиксируются в сфере обрядности: на шкурах сидят молодожены на свадьбе; в шкурах родители жениха встречали молодых после венчания с пожеланием богатства новобрачным; на овечьей шкуре просили посидеть детей, пришедших колядовать, – чтобы велись овцы (перм.), и т.п. [2]. На Русском Севере считали, что если при гадании на жениха девушку поглядят *шкурной рукой* (т. е. чем-то меховым), это предвещает богатого жениха [15].

В то же время у шкуры имеется и символика бедности, ср. рус. яросл. *остаться при шкуре* ‘обеднеть, остаться ни с чем’: “Работы нет, всё изжили, денег не осталось ничего, остались при шкуре”, “Всё спустил, – ну, скажут, остался при шкуре” [14].

Образы кожи и шкуры связаны также с оппозицией “свое – чужое”. При этом “кожа” чаще соотносится со “своим” (ею “чувствуют”, “испытывают” что-л.), а “шкура” – с “чужим” (ср. фиксируемые в разных языках выражения с внутренней формой “быть в чьей-то шкуре”, “в чужую шкуру не влезешь”, “волк в овечьей шкуре” и т.п.). Развитие этой смысловой линии приводит к тому, что шкура обретает символику “иног”, “другого”. С учетом “животных” смыслов, присущих шкуре, следует интерпретировать семантику ряжения, непременным атрибутом которого являются шкуры [2].

К оппозиции “человеческое – животное”, как говорилось выше, может добавиться оппозиция “человеческое – демоническое”. Кожа имеет “демонические” ассоциации: во фразеологии и паремиологии частым контекстным партнером “кожи” / “шкуры” является “черт”¹². Черту приписывается способность воздействовать на кожу человека или шкуру животных. Он сдирает кожу: рус. юж.-сиб., том., иркут. *кожедёр* ‘леший, черт’ [16, вып. 14, с. 51], пск. *черт на шкуру не берет* ‘об озорном, шаловливом ребенке’ [31, с. 80]; пишет на коже: рус. новг. (*что*) *черт на коже пишет* ‘о находчивом человеке’ [32, вып. 12, с. 54], пск. *как черт на воловьей шкуре пишет* ‘быстро,

¹² “Демонические” ассоциации шкур прослеживаются и во внеязыковых формах народной культуры. Так, на Русском Севере, в Верхнем Поволжье отмечены представления о том, что на шкурах ездят сезонные духи, которые накануне Рождества или Нового года выходят из воды на землю, а после Крещения уходят обратно в реки и проруби (*шуликуны, кулешменцы* и т. п., см. о них в [28; 29]). Ср. контексты: арх. “Вон шальхины на коже едут, заберут тебя!”, влг. “Шуликины на кожах едут! Кожи дерут с удавленников, топлеников да” [15]; костр. “Кулешменцы в святки издят на бычьих шкурах. Которы быки не забиты, а сами сдохли, тех шкуры сымают и издят” [29, с. 44]. Шкура (кожа) необходима и для установления контакта с нечистой силой, – так, при гаданиях нужно усесться на шкуру: “Слушать ходили. Возьмут кожу телячью, да и сядут на кожу. Зацертятся там. Хвоста-то не зацртили, да их давай цёрт волощить” (д. Калитинка Каргопольск. р-на Архангельск. обл.) [30]. Ср. также арх. *шкурничать* ‘гадать в святки при помощи шкуры животного’: “Любили в девках шкурничать. Сядешь на шкуру волчью, собачью – что приведётся – и загадываешь жениха. Раз сидим – вдруг за хвост потянуло, мы и дернули” [15], арх. *шкурница* ‘девушка, гадающая в святки при помощи шкуры животного’: “Собралось нас семеро шкурниц, сели на крестах” [15].

хорошо вспоминается' [33, вып. 14, с. 296]¹³; залезает под кожу: болг. *влиза ми дявол(а) под кожата* ("черт влезает под кожу") 'становится своевольным, совершать неразумные, дурные поступки' [35, т. 1, с. 171] и др.¹⁴

Неповрежденная кожа (шкура) может метонимически обозначать живого человека, откуда связь с символикой жизни: во всех славянских языках слова со значениями 'кожа', 'шкура' входят в состав фразеологизмов с внутренней формой "спасти свою шкуру (т.е. себя, свою жизнь)", "трястись за свою шкуру" и др., ср. также чеш. *jde mi o kůži* ("речь идет о коже") 'это может стоить ему жизни' [39, с. 264], словц. *príst' o kožu* ("лишиться кожи") 'лишиться жизни' [40, d. 1, s. 758], серб. *изнети читаву, целу, здраву кожу* ("унести (сохранить) целую кожу") 'выйти из опасной ситуации живым и здоровым': "Тaj је све то на своје очи видио и једва циелу кожу изнио" ("Он видел все своими глазами и едва целой кожу вынес") [25, кн. 9, с. 711–712], болг. *отървавам (си), отърва (си) кожата* ("спасти свою кожу") 'остаться в живых' [35, т. 2, с. 92]. Ср. также серб. *платити својом кожом* ("заплатить своей кожей") 'расплатиться своей жизнью, своим положением, имуществом' [27, кн. 2, с. 768].

Этапы человеческой жизни понимаются как смена оболочек, и приближение смерти воспринимается как пребывание человека в "последней шкуре": кашуб. *v ostatně skóře chōzēs* ("в последней шкуре ходить") 'быть близким к смерти' [41, т. 5, с. 55]. Ряд фразеологизмов позволяет увидеть связь кожи и с символикой смерти¹⁵. Как и слово "тело", "кожа" может развивать значение

'труп, мертвец', отраженное, по всей видимости, в кашуб. *za skóra pic* ("за кожу пить") 'пить водку во время поминок за умершего' [41, т. 5, с. 56]¹⁶. Для символики смерти можно предположить еще один источник: очевидно, она отражает практику сдирания шкур с животных, которых иногда специально *забивают на шкуру*, ср. рус. мордов. *подарить шкуру* 'издохнуть (о животных)' [44: *подарить*]. Аналогичное выражение употребляется и по отношению к человеку: влг. *кожей подарить* 'умереть': "Перепились, думала, кожей все подарят" [45, с. 199]. Шкуры часто вешали для просушки на изгородь – и эта ситуация тоже отражена во фразеологизмах со значением смерти, прекращения чего-л.: рус. пск. *шубу на кол* 'умереть' [31, с. 82], читин. *и шкуру на огород* 'и концы в воду': "Ох ти мне! Опять эта Танька <...> Лучче б маленька померла, я бы поплакала – и все, и шкуру на огород" [46, ч. 1, с. 162]¹⁷. До конца не ясен еще один "смертный" фразеологизм: рус. пск. *пора в кожу* 'пора умирать': "Беда теперь, пора и ф кожу, пожыль и ланно" [33, вып. 14, с. 295–296] (*пора быть завернутым в кожу? *пора превратиться в кожу = останки, прах?).

Физический мир человека. Кожа может пониматься как тело, ср. блр. частушку: "Раней дзеўкі з кожи лезлі, Кабы плацце паказаць. А цяпер із плацця лезуць, Кабы кожу паказаць" (сообщено Т. В. Володиной). Она служит индикатором состояния здоровья: серб. *бити (налазити се, остати) у злој кожи, не бити у доброј кожи* 'плохо себя чувствовать, быть больным' [25, кн. 9, с. 711], словен. *je v dobri / slabi koži* ("он в доброй / дурной коже") 'о том, кто чувствует себя здоровым / больным' [48, knj. 2, s. 463]. Многочисленные внутренние болезни проявляются именно на коже, и сама кожа "страдает" разными недугами. Перечень кожных заболеваний велик, многие из них ассоциируются с представлениями

¹³ Проявляющийся во фразеологии мотив чертовых "писаний" на коже находит развитие в фольклоре – в сюжете заключения договоров с чертом на коже. Герою одной из русских быличек – мужику, который хотел наложить на себя руки – старик в деревне объясняет: "Пошла бы твоя кожа им на бумагу. Пишут они на той бумаге договоры тех, что продают чертам свои души, и подписывают своей кровью, выпущенной из надреза на правом мизинце" [34, с. 16].

¹⁴ В языке не только отражается воздействие черта на кожу человека и шкуры животных, но и маркируется кожа самого черта: рус. простореч. *чертова кожа* 'прочная, обычно черная хлопчатобумажная ткань, вырабатываемая усиленным сатиновым переплетением, молескин', селигер. *бесова кожа* 'прочная блестящая ткань, обычно черного или белого цвета' [36, вып. 3, с. 59], дон. *сдирок с чёртовой шкуры* 'бран. необузданный человек' [37, с. 478], болг. *дяволска кожа и за тпан не чини* ("чертова кожа и для барабана не годится") [38, т. 2, с. 382].

¹⁵ Ср. также близкую семантику – исчезновения: рус. пск. *из кожи (с кожей) в яму* 'о человеке, ушедшем надолго, исчезнувшем' [31, с. 45], карел. *с кожи пропасть* 'бесследно исчезнуть' [42, вып. 2, с. 385], укр. надднепр. *пропасти с кожей* 'бесследно исчезнуть' [43, т. 2, с. 184].

¹⁶ Согласно описанию Б. Сыхты, кашубский поминальный обычай *przepicie skóre* ("пропивание кожи") исполнялся в доме или корчме. Главную роль во время поминок играли напитки – сладкий кофе и особенно водка. В зависимости от качества и количества поданных напитков о покойнике говорили: "Nebošček máš cenka <...> cvárdá/grěbá skóra" ("Покойник имел тонкую <...> толстую / грубую кожу"). "Тонкая кожа" означала скудное угощение, "толстая/грубая" – обильное [41, т. 5, с. 56].

¹⁷ Ср. также перм. *ребячьих кож нет на огороде* 'о том, что от родительского воздействия ребенку не будет хуже': «"Ой, у меня она вся изревелась". – "Ничего, ребячьих кож нет на огороде". Дескать, не заревётся, не умрёт, легче будет» [47, вып. 1, с. 394]. По всей видимости, это выражение можно понимать так: родители наказывают ребенка, но это должно пойти ему на пользу, поскольку от наказаний дети не умирают, о чем говорит отсутствие детских кож, висящих на изгороди.

о чистоте – нечистоте и о возможности передачи заболевания при контакте и прикосновении к коже.

Эпитет “кожанный” характеризует здорового человека: рус. брян. *как кожаной* ‘о физически крепком, здоровом человеке’ [49, с. 267]. Кожа концентрирует физические силы: чеш. *mít tuhou kůži* (“иметь тугую кожу”) ‘быть живучим’ [26, с. 198], морав. диал. *ten má tvrdú skůru* (“у него крепкая шкура”) ‘он живуч’ [50, d. 2, s. 381]; ср. и противоположный образ – “жидкой”, “раскатанной” кожи: рус. костр. *жидкокожий* ‘вялый, слабый, болезненный’ [14], чеш. *mandlovat si kůži* (“раскатать кожу”) ‘лодырничать, лениться’ [26, с. 198]. Изменение кожи симптоматично: в народных верованиях появление пятен на коже больного человека может предвещать смерть¹⁸.

Кожа проявляет и другие грани физического облика и состояния человека. Цвет кожи является расовым признаком (в “языке” народной культуры аномальный цвет кожи характеризует инородца, см. [53, с. 52–54]). Кожа – одна из многих частей тела, способных характеризовать возраст человека, ср. *младенческая – старческая (дряблая) кожа*, рус. печор. *кожа волочится, а гулять хочется* ‘о некрасивом или старом человеке, жаждущем любви’: “Старый уж, кожа повесла, кожа волочится, а гулять хочется” [54, т. 1, с. 351].

Кожа “работает” на создание эталона красоты: рус. яросл. *кожистый* ‘хорошо сложенный (о фигуре)’ [14], хорв. *koža* ‘о телесной красоте’: “Evo su one, ke se kožom prij’ dičanu” (“Вот это те, кто прежде кожей гордились”) [55, d. 5, s. 424]. Гладкая, ровная, чистая кожа, “кровь с молоком” – обязательные эстетические составляющие образа привлекательного человека, преимущественно женщины, ср. рус. литер. *ни кожи ни рожги*.

¹⁸ Есть и другие верования, основанные на оценке состояния кожи: неизменный и ненарушаемый кожный покров считается нормой, является “человеческим”, а нарушение его целостности свидетельствует об аномалии и принадлежности “демоническому”, поэтому незаживающие раны, тяжелые кожные болезни нередко расцениваются как знак греховности человека или следствие его контактов с демонами [3, с. 218–219]. Наоборот, необходимо нарушить целостность кожи в тех случаях, когда, по поверьям, покойник может превратиться в “ходячего” (и обрести человеческий облик) или вампира: так, болгары Софийского края считают, что нужно проколоть кожу трупа иглой или даже надрезать ему пятки – и тогда покойник не будет ходить по ночам. Подобная идея лежит в основе известного способа уничтожения вампира – протыкания его туловища осиновым колом. Здесь отражаются также и представления о том, что у вампира есть только кожа и студенистая кровь [51, с. 43; 52, с. 223, примеч. 79].

Во внеязыковых формах культуры фиксируются ритуальные действия по “моделированию” цвета и “качества” кожи младенца (купание в молоке, вине и пр.) [56; 57].

Будучи оболочкой, “футляром” человека, кожа задает рамки его конституции. Толстый человек “не влезает” в кожу, она на нем “трещит”: рус. перм. *в шкуру не лезть* ‘сильно располнеть, растолстеть’ [58, вып. 1, с. 470], баш. *в кожу не лезет* ‘о толстом человеке’ [59, с. 154], волгоград. *не протолтиться в кожу к кому-л.* ‘кто-л. очень тучен, чрезмерно упитан’ [60, вып. 6, с. 142], укр. *не втовпиться в шкуру* ‘об очень толстом человеке’ [61, кн. 1, с. 965], *гладкий, аж з шкури преця* (*аж шкура тріскаєця, тріщить*) [62, с. 384] и др. Вместе с тем худой человек (животное) – тот, у кого “одна кожа”: рус. волгоград. *осталась одна кожа* ‘кто-л. сильно похудел, истощал’ [60, вып. 3, с. 100], блр. диал. *адна шкура* [63, с. 21], ср. также рус. тобол. *кожанка* ‘о сухощавой женщине’ [16, вып. 14, с. 50], яросл. *кожевина* ‘худая, тощая лошадь, кляча’ [64, вып. 5, с. 44], смол. *кожан* ‘о небольшом тщедушном человеке’ [65, вып. 5, с. 47], блр. *шкура* ‘худая и дурная собою женщина’ [66, с. 712].

Через состояние кожи передаются реакции человека на физические проявления внешнего мира, прежде всего температурные ощущения. При этом кожа реагирует не на жар, а на холод (разумеется, язык описывает и воздействие на организм высокой температуры, ср., к примеру, *раскраснеться от жары*, но, кажется, такого рода воздействие не отражено непосредственно в “кожной” фразеологии¹⁹). С морозом (*мурашками*) по коже далее связывается чувство страха: рус. перм. *кожу сдирает* ‘мороз по коже’: “Как вспомнишь старую жись, так кожу сдирает” [27, с. 328], новг. *кожу отсочает* ‘говорят при ощущении озноба, когда чувствуется, что кожу как будто отдирает’ [16, вып. 14, с. 50], арх. *кожу отдрало* ‘о сильном испуге’: “Тут мужик и догадался, что это чёрт был, так ему кожу-то и отдрало, хотя раньше-то ничего не боялся” [15], сиб. *шкуру ерошить* ‘о неприятном чувстве страха и т. д.’ [67, т. 5, с. 352], блр. *мароз на скуры стаіць, мароз на скуры ходзіць* (у кого) ‘об ознобе, вызванном ощущением страха’ [63, с. 144], болг. *мравки лаяят по кожата ми* (“муравьи ползают по коже”) ‘о чувстве озноба’ [35, т. 1, с. 596], макед. *кожа-*

¹⁹ Можно сказать *кожа горит* (о раздражении, жжении вследствие температурного воздействия, аллергии и пр.), но сочетания такого рода не обладают высокой степенью устойчивости (такой, какая есть у конструкций типа *мороз по коже*).

та ми се наежи от страв (“съежиться от страха (о коже)”) [68, т. 1, с. 337]²⁰ и др.

Психоэмоциональный мир человека. Кожа соотносится с понятием нормального (ненормального) состояния души, ср. чеш. *nebyt v své kůži* (“не быть в своей коже”) ‘не находить покоя, быть не в себе’ [71, с. 798]. С кожей связываются различные психоэмоциональные переживания. Ею можно испытывать не только страх, но и другие сильные и, как правило, инстинктивные (неподотчетные) эмоции, ср. рус. простореч. *чуют кожей* ‘чувствовать инстинктивно, неподотчетно’, коми *кожа валом встает* ‘говорится о крайнем изумлении, негодовании, страхе и т.д.’: “Так они там живут в интернатах, бедны дети, так кожа валом стаёт” [72, с. 102], укр. *аж шкура болить* ‘о сильных страданиях, переживаниях’ [61, 2, с. 964–965], польск. *czuć, przeczuwać co przez skórę* ‘почувствовать инстинктивно’ [19, т. 2, с. 128] и др. Кожа символизирует также сильные желания, от которых она “лопается”, “трещит”, “горит”²¹; они, как правило, неуправляемы и низменны (своеволие, похоть и т.д.): рус. волгоград. *кожа горит у кого-л.* ‘кто-л. испытывает сильное желание’ [60, вып. 3, с. 100], волгоград. *шкура свербит у кого-л.* ‘о сильном желании, нетерпении’, *шкурочка трещит* ‘о каком-л. сильном желании’ [73, с. 754], укр. *аж шкура горить* ‘кто-л. имеет сильное желание’ [61, кн. 2, с. 965], блр. *кожа лопаецца, трэскаецца* ‘о несдерживаемом самовольстве’: “Кожа на мальчиках лопае, нада харошый рэмень, каб пачасаць” [22]. Вместе с тем коже может быть присуща и функция “ограничителя” неумеренных желаний (а последние воплощаются в образе жира): блр. *лой шкуру пад’ядае* ‘проявляет норы’, “с жиру бесится” [63, с. 140].

Кожа может символизировать и “сознательную”, собственно в левую сторону психоэмоциональной жизни человека, будучи связанной с

обозначением усилий, напряжения: рус. литер. *лезть из (своей, собственной) шкуры (вон), из кожи лезть (вон)* ‘стараться изо всех сил, усердствовать’, иркут. *из кожи вылупаться* ‘сильно напрягаться, стараться, выполняя какую-либо работу’ [16, вып. 14, с. 49], печор. *кожа лопнет* ‘кто-либо очень добросовестно работает’: “Нынче-то так не робят, чтобы аж кожа лопнет, нынче через пень-колоду” [54, т. 1, с. 352], укр. *Из шкури виринає – так робить!* [62, с. 444], болг. *излиза си из кожата* ‘напрягаться, стараться сделать что-либо’ [74, т. 1, с. 1043] и др. Кроме того, кожа позволяет накапливать опыт и знания: болг. *вадена кожа* (“дубленая кожа”) ‘об очень хитром, практичном и опытном человеке’ [35, т. 1, с. 112], словц. *mat’ hrošiu kožu* (“иметь кожу бегемота”) ‘много перенести, испытать’ [40, d. 1, с. 758], ср. также представленные во всех славянских языках выражения с внутренней формой “испытать что-л. на собственной шкуре”. Испытаний и мучений коже достается больше, чем другим частям тела, ср. словц. *Hrešila hlava – koža trp! Hrešili ústa – koža trp! Hrešilo brucho – koža trp!* (“Согрешила голова – терпи, кожа! Согрешили уста – терпи, кожа! Согрешило брюхо – терпи, кожа!”) [75, с. 282].

Вместе с тем кожа может не пропускать или скрывать, поглощать чувства и другие проявления духовной жизни человека: болг. *топя се в кожата си* ‘страдать, мучиться, сердиться молча, не показывая своих чувств’ [35, т. 2, с. 400], рус. перм. *ум ушёл в кожу* ‘утрачена память’ [23, с. 385].

Отношения между людьми и черты характера. Через кожу передается внешнее сходство людей друг с другом: болг. *одрал на бащата кожата* (“содрал кожу с отца”) ‘как две капли воды похож’, *одрал съм кожата на някого* ‘чаще всего о сходстве с отцом’ [35, т. 2, с. 19–20], польск. *jakby z matki zdjął skórę* (“будто с матери снял кожу”) [24, 2, с. 406], рус. перм. *кожа да (у) рожа* ‘вылитый в кого-л., очень похожий’ [58, т. 1, с. 400]. Кажется, в “кожной” идиоматике есть намек и на способность кожи символизировать близость людей, ср. рус. *Кожа коже споровит* “свой своему, кровному” [76, т. 2, с. 130]: вероятно, этот фразеологизм отражает “кожный” контакт между близкими людьми. Степени родства изображаются как “слои” кожи: екатеринб. *седьмая кожа не вороть (невывороченная)* ‘шутливая поговорка о дальнем родстве (седьмая вода на киселе)’ [16, вып. 14, с. 50].

В зависимость от толщины кожи ставятся способность человека к сочувствию, сопереживанию и сила эмоционального реаги-

²⁰ Переход от описаний физических ощущений (холода) к ощущениям эмоциональным (страх, ужас) с использованием образа кожи (сердца) распространен в славянских языках и культурах. Среди многочисленных выражений, которые имеют оба значения, рус. печор. *иней по коже идёт* ‘кто-либо сильно замёрз’, ‘кто-либо испытывает страх, негодование и т.п.’ [54, с. 292], *до гусиной кожи* ‘до появления прыщиков на коже’: “Продрог до гусиной кожи”, “До гусиной кожи страху натерпелся” [54, 1, с. 210]. Очевидно, это отражение архаических и.-е. воззрений, ср. сближение праслав. **straxъ* с лит. *stregti, stregiu* ‘оцепенеть, превратиться в лед’ [69, т. 3, с. 772]. Подробнее об этом см. в [70]. Подобная связь значений обнаруживается и в гнезде слав. **stud-/styd-* (ср. рус. *стыжа, стыд*).

²¹ Эти же предикаты используются для обозначения физиологических проявлений, например, чувства голода: рус. терек. *кожа лопается* ‘сильно хочется есть’ [16, вып. 14, с. 49].

вания (имеются в виду эмоции, проявляющиеся при человеческом контакте), которые во многих славянских языках обозначаются словами с внутренней формой “толстокожий” – “тонкокожий”. Уточнение “кожа на лице (щеках)” развивает значение *бесстыдства*: черногор. *кожа ми је на образу тврда као ђон (као у вола)* (“у него кожа на щеках (лице) грубая, как подошва (как у вола)”) [77, с. 150].

Через “кожу” кодируются и некоторые социально значимые негативные черты характера человека – скупость, стяжательство, эгоизм (рус. литер. *шкура, шкурник* ‘человек, который заботится только о себе, не думая о других’, иркут. *шуба лежит, а кожа дрожит* ‘об очень скупом, жадном человеке’ [78, с. 221], смол. *шкурат* ‘о непорядочном человеке’ [65, вып. 11, с. 147], укр. полес. *шкура* ‘супец’ [79, т. 2, с. 269], блр. диал. *шкура* ‘то же’ [80, с. 311]), хитрость, лицемерие (укр. надднепр. *кожа* ‘злой, жестокий и лицемерный человек’ [43, т. 2, с. 184]), пронырливость (чеш. *kůže* ‘о человеке пронырливом, продувном’ [81, д. 2, с. 464]), высокомерие (чеш. *kožepý* ‘чопорный’ [82, с. 227]).

Предикаты “кожи” и “шкуры”. Текстовые партнеры “кожи” и “шкуры” в рамках фразеологии разнообразны (атрибутивы, локусы и др.), но наиболее показательными представляются предикаты. Так, в атрибутивных конструкциях смысловая нагрузка нередко перетягивается с “кожи” на атрибутив (это происходит, скажем, во фразеологизмах, где фигурирует кожа животных – змеи, бегемота и проч.²²), – в то время как в предикативных сочетаниях “кожа” более самостоятельна в смысловом плане.

Особенно частотны предикаты *драть, брать, лупить, снимать, стягивать, спускать, жарить* ‘хлестать’ и т. п., которые рисуют картину сдираания с человека кожи или ударов, битья для передачи идеи наказания²³ (рус. простореч. *шкуру содрать (спустить) с кого-л.* ‘сурово наказать кого-л.’, волгоград. *жарить шкуру* ‘бить, строго наказывать кого-л.’ [73, с. 754], укр. *тягти шкуру*

з кого ‘бить, наказывать кого-нибудь’ [61, кн. 2, с. 907], блр. *сем шкур здерці (зняць, сагнаць, садраць, спуціць) з каго* [63, с. 238], болг. *ще му одера кожата* ‘я его побью’ [74, 1, с. 1043]), а также идей грабительства, эксплуатации (рус. калуж., брян. *кожелу́н* ‘разбойник, грабитель, вор’ [16, вып. 14, с. 51], чеш. (диал.) *stáhnout, odřít, sědřit s někoho (za živa) kůži* (“стянуть, ободрать, содрать с кого-л. (живого) кожу”) ‘использовать кого-л.’ [71, с. 798], словац. *stiahol by z nahého kožu* (“стянул бы с голого кожу”) ‘о настойчивом человеке’ [75, с. 277], болг. *одирам, одера (дера, съдирам, смъквам, свличам) кожата от гърба на някого* (“сдирать шкуру с чьей-л. спины”) ‘грабить, эксплуатировать’ [35, т. 2, с. 19; т. 1, с. 254; 12, с. 271])²⁴.

Для описания воздействия на кожу используются и другие предикаты, создающие переносные значения, которые соотносятся с жизненным опытом, отношениями между людьми, поведением и пр.: *дубить* (рус. простореч. *дублёная шкура (у кого)* ‘о человеке, невосприимчивом к неприятностям, ударам судьбы’ [73, с. 754]), *выворачивать* (рус. перм. *невороченая шкура* ‘о человеке, не испытывавшем трудностей, не имеющем жизненного опыта’ [73, с. 754]), *сушить* (польск. *suszyć komu skórę* (“сушить кому-то кожу”) ‘докучать кому-либо, назойливо приставать к кому-то’ [19, т. 2, с. 128]). На коже можно *писать* (рус. селигер. *писать на кожу* ‘заставлять, вынуждать делать что-либо’ [36, вып. 3, с. 59]), за кожу – *заливать сало* (рус. дон. *заливать (залить) за кожу (шкуру) сало кому-л.* ‘обижать кого-л.’ [83, т. 2, с. 8], укр. *заливати (залити, залляти, налити) за шкуру сала кому* ‘причинять кому-либо большое горе, страдания’ [61, кн. 1, с. 310]), под кожу – *залезать* (примеры см. далее).

Кожа может выступать и как активный “деятель”, нередко направляемый сильными желаниями. Это проявляется в сочетаниях со следующими предикатами: *играть* (рус. читин. *шкура играет на ком-л.* ‘об излишне бойком человеке’ [46, ч. 1, с. 72], блр. *шкура іграець на кім* ‘о чрезмерной подвижности, бойкости’: “Мы сразу замецілі, што ны вас лішніга шкура іграіць” [84, с. 198]), *говорить* (рус. кубан. *аж шкура говорить* ‘страстное желание сделать что-л.’ [85, с. 53], укр. *аж (і) шкура говорить на кому* ‘о ком-либо чрезвычайно оживленном, энергичном’ [61, 2, с. 964]), *ходить* (рус. волгоград. *шкура ходит (у кого)* ‘о

²² То же характерно и для символики шкуры животного в языке народной культуры: принадлежность определенному животному определяет магические и пр. свойства шкуры [2].

²³ Проклятия и угрозы с этими мотивами весьма распространены у славян, ср. рус. *Я с тебя шкуру спушу* = болг. *Кожуцата ти ще одера* [12, с. 273], польск. *Choćby cię ze skóry obdzierali, nie mów* (“Чтоб с тебя шкуру содрали, замолчи”) [24, т. 3, с. 211]; в проклятиях мотив снятия кожи может логически развиваться, ср. болг. *Кожата му със слама да напълнат, та на гредата да я окачат!* (“Чтоб его кожу соломой набили и на столб повесили!”) [38, т. 2, с. 382].

²⁴ При подаче иллюстративного материала мы разделили примеры с семантикой битья и эксплуатации, но в ряде случаев одни и те же глагольные фразеологизмы являются многозначными, воплощают обе идеи.

подвижном, непоседливом человеке' [73, с. 754]), *гореть, кипеть* (рус. волгоград. *кожа горит у кого-л.* 'кто-л. голоден, сильно хочет есть', 'кто-л. испытывает сильное желание' [60, вып. 3, с. 100], блр. диал. *шкура гарыць на кім* 'о том, кто плохо себя ведет, самовольничает от избытка сил и энергии' [63, с. 303], укр. *так шкура і закипить на кому* 'кто-нибудь будет побит' [61, кн. 1, с. 965]), *цепенеть* (польск. *skóra na kimś cierpnie* ("шкура на нем цепенеет")) 'его охватывает страх, ужас' [19, т. 2, с. 128]) и т.п.

Кажется, субъектная и объектная (соответственно активная и пассивная) роли в составе предикативных конструкций представлены у "кожи" в равной степени.

Рассмотрим подробнее некоторые предикативные конструкции с участием "кожи" ("шкура"), которые содержат сходные (идентичные) образы, но при этом передают различные смыслы. Показателен в плане специфической энантиосемии образ *выхода из кожи*.

С одной стороны, "выйти, вылезти, выскочить из кожи, не вмещаться в ней" = прикладывать к чему-л. особые, сверхчеловеческие усилия (рус. арх. *выходить из кожи вон* 'очень интенсивно что-н. делать, очень стараться' [86, вып. 8, с. 370], болг. *не можеш да излезеш от кожата си* ("из кожи вылезти нельзя")) 'выше головы не прыгнешь' [12, с. 271]), а также испытывать сильные эмоции (*Ledwie z wielkiej pociechy nie wyskoczą z skóry* ("От большой радости едва не выскакивают из кожи") [24, т. 3, с. 214]), быть в аномальном физическом состоянии или иметь сильные физиологические потребности (рус. влг. *из кожи выскакивать* 'биться в припадке эпилепсии' [15], укр. *Як з шкури не вискочив, так хотів питу* [62, с. 544]), проявлять повышенную активность, вплоть до нарушения норм поведения (рус. новг. *в коже места нету (не вместиться) кому* 'кто-либо энергичен, непоседлив' [87, с. 83], перм. *кожеломиться* 'баловаться, шалить, активно двигаясь' [58, вып. 1, с. 400], 'дурачиться' [47, вып. 1, с. 394], словц. *ide z kože vyskočit* ("буквально из шкуры выскакивать")) 'об очень нетерпеливом человеке', диал. *nevprace, nevmeti sa do kože* ("не вмещается, не влезает в кожу")) 'о том, кто ходит на голове, сумасбродничает' [40, д. 1, с. 758]). В большинстве случаев "выход из кожи" равноценен и синонимичен "выходу из себя", т.е. впадению в состояние раздражения, озлобления, волнения и др.: польск. *Tak się zgniewał, o mało że ze skóry nie wyskoczył* ("Так разозлился, чуть было из кожи не выскочил") [24, т. 3, с. 214], кашуб. *věskočec ze skōrě* ("выскочить из кожи")

'о человеке разозленном' [41, т. 5, с. 55], болг. *излизам, изляза (изскоквам, изскокна) от (из, вьн, от извьн) кожата си* ("выходить, выпрыгивать из кожи") 'выходить из себя, сердиться, злиться' [35, т. 1, с. 412], *не мога да се побера в кожата си, не се побирам / побера в кожата си* ("не помещаться в своей коже") 'выходить из себя; волноваться (не мочь успокоиться)' [35, т. 1, с. 707–708], чеш. *div nevyletěl z kůže* ("как только из кожи не вылетел") 'о том, кто рассержен' [71, с. 798] и др. Кожа, таким образом, выступает сдерживающим началом, является "рамкой", ограничивающей буйство человеческой природы²⁵. Не случайно "покрытый кожей" человек честен и порядочен: новг. *кожей крыт* 'честный, порядочный, добрый': "Теперь редкие мужики кожей крыты. Больше всего норвят за жёнкиной спиной прожить"; "Сколько лет с ним жила, думала, кожей крыт, а потом и начал чудить: и зарплату заначивал, и к чужим бабам ходил" [87, с. 71].

С другой стороны, "выйти из кожи" = занять взвешенную, зрелую позицию по отношению к себе и своей жизни: рус. пск. *выйти со своей кожи* 'взглянуть на себя со стороны, объективно оценить себя': "Выти со сваей кожи, посмотреть на сваю рожу, а патом толковать" [33, вып. 5, с. 170], перм. *из кожи вылупиться* 'созреть; определиться в жизни': "У меня уже двое из кожи вылупились, уехали, я и не знаю, чё там делают в городе-то" [23, с. 69], костр. *из кожи выйти* 'выйти из родительского контроля, опеки, начать жить самостоятельно': "Нынче-то до тридцати лет из кожи выйти не могут, всё как маленькие" [14].

Итак, кожа определяет для человека рамки с а м о о б л а д а н и я, но вместе с тем иногда мешает трезвому с а м о о п р е д е л е н и ю, которое возможно лишь при выходе из нее.

Другой вариант энантиосемии дает метафора *входит в кожу*: рус. костр. *войти в кожу* 'поправиться, потолстеть': "Худенька кака была, а нынче в кожу вошла, поправилась" [14] = прикам. *не входит в кожу* 'располнеть': "Тожно в кожу не входит, ядреная стала. Эко озойно место была, маленька, худенька, а теперя в кожу не входит" [23, с. 62], печор. *в кожу не входит (не влезает)* 'об очень полном человеке' [88, т. 1, с. 321], пск. *нет места в коже кому* 'то же' [33, 14, с. 295] и др. Здесь образы противоположны, а лексические значения идентичны. Это объясняется различиями в оценке полноты: она может оцениваться как

²⁵ Ср. также блр. *шкуры на сабе не чуць* 'быть распушенными, хулиганить (о детях)': "У Анюты збалованыя дзеці. Крычаць, бегаюць, абзываюцца, а маці патурая, а яны шкуры на сабе ні чуюць" [63, с. 304].

некая физическая норма (*входить в кожу* – то же, что *входить в тело*, набирать “жизненные соки”) или же как аномалия.

По-разному оценивается и близость людей, кодируемая с помощью образа кожи. Так, *узнать кого-л. через кожу, проникнуть кому-л. под кожу* = значит обрести близкого человека – и тогда оценка скорее положительна: серб. *подвући се (увући се) под кожу некому* (“залезть кому-л. под кожу”) ‘стать очень близким, дорогим кому-л.’ [25, кн. 9, с. 712], хорв. *iz kožu* (“у кожи”) ‘очень близко (быть к кому-л.)’ [55, d. 5, s. 424], кашуб. *roznać przez skórą* (“узнать через кожу”) ‘изучить, узнать кого-либо “насквозь”’ [41, t. 5, s. 55]. Смысл близости выражается в рус. жарг. *подкожный* ‘любимый, сокровенный, интимный’: “Это подкожное дело (о любви)” [89, с. 446]. Показательны и данные романо-германских языков о любви и дружбе: франц. *avoir qn dans la peau* (“иметь кого-л. в коже”) ‘очень любить кого-л.’, итал. *amici per la pelle* (“друзья через кожу”) ‘закадычные друзья, друзья на всю жизнь’ [90], англ. *I’ve got you under my skin* (“Ты у меня под кожей”) = “Ты моя любовь” – название песни в исполнении Ф. Синатры.

В то же время проникновение под кожу (с вариациями образа – “заглядывание под кожу”, “лежание у кого-то на коже” и др.) может восприниматься как нарушение личного пространства, что дает негативную оценку разной степени интенсивности (от легкой насмешки до порицания) – в зависимости от глубины вторжения. Это воплощается в следующих значениях: подольщаться к кому-л. (рус. костр. *заползать под кожу кому-л.* ‘подлизываться, подольщаться к кому-л.’ [14], болг. *влизам някому под кожата* ‘подлизываться’ [74, т. 1, с. 1043]), докучать кому-л. (польск. *zaleźć komu za skórę, za dziesiątą skórę* ‘досаждать, докучать кому-то’ [19, t. 2, s. 128], чеш. *jít na kůže někomu* («идти», наступать на кожу кому-л.») ‘донимать кого-л.’ [26, s. 198], в.-луж. *na kožu lězc někomu* ‘приставать к кому-л.’ [91, s. 94]), вести бестактные расспросы (рус. литер. *лезть под кожу* ‘бестактно расспрашивая, задевать больные места’, узнавать чьи-л. намерения (серб. *завирити коме под кожу* (“заглянуть под кожу кому-л.”) ‘узнать чьи-л. скрытые намерения’ [27, кн. 2, с. 768]), обременять кого-л. (в.-луж. *na koži ležeć někomu* (“лежать у кого-то на коже”) ‘висеть у кого-н. на шее’ [91, s. 94]), манипулировать кем-л. (болг. *навирам се / навра се под кожата* (“пробираться под кожу”) ‘манипулировать кем-то’ [35, т. 1, с. 611]), создавать препятствия кому-л. (в.-луж. *na kožu lězc někomu*

‘становиться поперек дороги, ставить палки в колеса’ [92, s. 172]).

Системные отношения “кожи” и “шкур” с другими соматизмами. Во-первых, различные соматизмы могут функционировать в одном контексте. Дополняя друг друга, они создают целостный образ: рус. костр. *кожей и рожей (похожи)* ‘о людях, похожих по характеру и внешности’ [14], печор. *была бы брюшина сыта да кожа не бита* ‘о хорошей жизни’ [54, т. 1, с. 60], серб. *бити крвав под кожом* (“быть с кровью под кожей”) ‘быть как остальные люди, иметь людские слабости’ [25, кн. 9, с. 711], словен. *biti krvav pod kožo* ‘быть склонным к проявлению страстей, плотским наслаждениям’ [48, knj. 2, s. 463] и др. Особенно устойчиво у славян сочетание “кожа да кости”, использующееся для описания истощенного и слабого человека: рус. волгоград. *лишь кожей мослы накрыты* [60, вып. 3, с. 372], блр. диал. *мэтэр шкуры, кілограм косты* [93, с. 305], чеш. *být a kost a kůže* [71, s. 798], болг. *едва му кожата костите държи* (“кожа с трудом кости держит”) ‘в чем душа держится (об очень слабом человеке)’ [74, т. 1, с. 1043], словен. *sama kost in koža ga je* ‘об очень худом человеке’ [48, knj. 2, s. 462] и т. п.

Во-вторых, системные отношения проявляются в сходных по структуре и смыслу лексемах или устойчивых сочетаниях с участием разных соматизмов. При этом соматизмы могут быть символически противопоставлены друг другу, ср. рус. костр. *кожаные зубы* ‘о деснах, оставшихся на месте выпавших зубов’ [14]²⁶ – фольк. *косяные зубы* ‘о постоянных зубах – в противопоставлении молочным’ (ср. широко распространенные приговоры вроде “Мышка, мышка, вот тебе зуб репяной, дай мне косяной!”, которые произносят, когда дети теряют молочные зубы). В эту систему входит еще “мясо”, ср. карел. *мясные зубы* ‘молочные зубы’: “Первые зубки-то – зубы мясные, а настоящие – косяные” [16, вып. 19, с. 88].

Значительно чаще встречаются ситуации, когда в составе идентичных номинативных моделей или фразеологических контекстов соматизмы не противопоставлены, а тождественны друг другу по смыслу или “синонимичны”, ср., к примеру, укр. *тягати жили з кого-н. = тягати шкуру з кого-н.* ‘сильно эксплуатировать кого-л.’ [61, кн. 2, с. 906–907]. Кожа, как и заднее место, терпит телесные наказания, ср. рус. печор. *запас*

²⁶ Ср. также сочетание *кожезубые рыбы*, которое В. И. Даль сопровождает комментарием “вернее беззубые” [76, т. 2, с. 131].

кожу (жону) не дерёт: “А пусть лежит, запас кожу не дерёт” [54, т. 1, с. 258]. Испуг, как мы говорили выше, действует и на кожу, и на сердце, ср. рус. печор. *мороз по сердцу (коже) прошёл (прошёлся)* ‘кого-либо охватил сильный страх’ [54, т. 1, с. 410] и т.п. Если в приведенных выше случаях выражения с разными соматизмами демонстрируют полное тождество значений, то в некоторых примерах ощутимы весьма существенные смысловые оттенки. Такова пара рус. литер. *шкурный интерес – кровный интерес*: первый понимается как ‘основанный на стремлении к своему личному благополучию в ущерб интересам общества, своекорыстный’, второй, сохраняя идею сильной личностной (внутренней) мотивации, не имеет все же семантики своекорыстия. Шкура в данном случае выступает как наружное (“рубашка”, которая “ближе к телу”), а кровь – как внутреннее.

Системные отношения выстраиваются в рамках одного языка и – в более сложных комбинациях – в межъязыковых славянских параллелях. Так, чеш. “коже” могут соответствовать рус. “кости” (рус. *промокнуть до костей* = чеш. *protouknut (až) na kůži*) [71, s. 798], болг. “коже” – рус. “тело” (рус. *Своя рубашка ближе к телу* = болг. *Ризата е по-близо до кожата*) [38, т. 2, с. 382]), а рус. “коже” – серб. “жилы” (*из кожи вон лезть* = *упињати се из петних жила* (“напрягать жилы в пятках”) ‘напрячься во всю мочь’ [94, с. 226]).

Чаще всего партнерские отношения наблюдаются между соматизмами, которые обозначают органы, формирующие своего рода “поперечный срез” человеческого тела: *кожа и кровь, жилы, жир (сало), мясо, кости, ребра*. Кроме того, *кожа* нередко взаимодействует с *рожей (лицом)*: здесь значим и формальный фактор (рифма), и содержательный (рожа дополняет кожу, которая в выражениях типа рус. *ни кожи ни рожи* играет роль тела, туловища).

Как и другие аспекты организации изучаемого семантико-мотивационного пространства, системные отношения тоже обнаруживают амбивалентность образа кожи. В данном случае она проявляется в том, что внутри одной и той же пары соматизмов, в которую входит “кожа”, наблюдаются то отношения отождествления (“синонимии”), то противопоставления (“антонимии”). Как было показано выше, “кожа” и “кости” противопоставлены друг другу при характеристике зубов (*кожанные зубы ≠ костяные зубы*). В то же время в ряде случаев они уравниваются: так, ряз. *в кость влезть* ‘быть ласковым, обходительным, уметь найти подход к людям’ [16, вып. 15, с. 88]

выражает примерно то же, что “влезть под кожу” (см. выше). Кроме того, “кожа” и “кости” нередко имеют комплементарные отношения, употребляясь в составе одного контекста.

* * *

Завершая анализ деривационной и фразеологической семантики слов “кожа”, “шкура” в славянских языках, включавший в себя рассмотрение тематических сфер вторичных значений, предикатов “кожи”, системных связей с другими соматизмами, отметим, что при всей многогранности и текучести смыслов, стоящих за лингвокультурным образом кожи и шкуры, в семантической и фразеологической деривации усматриваются вполне определенные и четко прорисованные векторы. Это не позволяет нам согласиться с И. В. Утехиным, утверждающим, что концепт кожи размыт и не очень четок, ср.: “Во многом представления о коже оказываются имплицитны, растворены в смысловых моделях, где собственно кожа не находится в фокусе” [1, с. 109]. Вывод о размытости концепта, на наш взгляд, в значительной мере определяется тем, что автор не ограничивает материал для анализа определенными корнями, а берет самые разные фразеологические и паремиологические факты, в том числе такие, где соматизмы вообще не фигурируют.

Основной принцип организации изучаемого образа – смысловая амбивалентность, отражающая “пограничное” положение кожи, обращенность внутрь человека как существа “физического” и “психического” и к внешней действительности (особенно непосредственному окружению человека – к одежде и имуществу, близким людям), способность совмещать в себе оба полюса оппозиций “внутреннее – внешнее”, “свое – чужое”, быть “модератором” между внутренней нежной душой и миром, присущий коже статус “маркера” внутренней жизни человека и одновременно “пустой” оболочки, ее активность и пассивность. При этом кожа и шкура (в тех случаях, когда языковые факты позволяют различить их обозначения) проявляют себя во многом сходно, однако кожа в большей степени обращена вовнутрь, а шкура – вовне (поскольку нередко воспринимается как рубашка, одежда – и далее одежда ряженого).

Кожа проявляет “самость” человека, служит индикатором его здоровья, возраста, расовым признаком, важной составляющей телесной красоты, становясь тем самым носителем и показателем собственно человеческой жизни, но вместе с тем она связана и с символикой смерти, поскольку может восприниматься как “тело”, – точнее, то, что остается, когда его покидает жизнь (душа).

Наполненность и пустота, свойственные оболочке, определяют способность кожи символизировать и материальное благополучие, и бедность. Кожа лучше многих других частей тела “знает”, что такое физические страдания, она их терпит, переводя в жизненный опыт, – и она же обнаруживает активные человеческие усилия и намерения. Через нее прорываются вовне в первую очередь неподотчетные, иногда инстинктивные эмоции и желания, которые могут вырастать из физиологических реакций (так, по “мнению” языка, реакция на холод порождает чувство страха, а голод – несдерживаемое самовольство), но она же пытается их ограничивать, “призывает” к самообладанию: несдержанность маркируется в языке как “выход из кожи”. Выполняя информационные функции, кожа несет большей частью не рациональную, а интуитивную информацию: *чувствовать кожей* – значит понимать подсознательно, а не объяснять что-либо логически. Такое “чувствование” нередко становится для человека предостережением. Наряду с другими частями тела (прежде всего лицом, глазами и др.), кожа выявляет разные изменения внутри человека, его душевные порывы, психические состояния. Кожа запечатлевает сходство людей друг с другом, их близость, способность к эмоциональному сопереживанию, но в то же время она о(т)граничивает личное пространство, препятствует “залезанию” туда других. Такое отмежевание от других развивает у человека черты эгоиста, а далее – с учетом “накопительной” способности кожи – скупца и стяжателя.

Образ кожи, столь разноплановый и экспрессивный, актуален и в современном дискурсе, в разговорной речи, в литературе, в СМИ и Интернете. Приведем одну иллюстрацию к процессам сегодняшнего осмысления этого образа. Трехлетняя годовщина свадьбы именуется во многих языках (в том числе и славянских) “кожаной свадьбой” – в ряду других годовщин, обозначения которых образованы от наименований различных материалов (*бумажная, ситцевая, серебряная* и др.). Однако при интерпретации *кожаной свадьбы*, судя по контекстам, встречающимся в Интернете, может проявиться семантический потенциал *кожи* как соматизма, оболочки существа²⁷.

Таким образом, выразительность, детальность и яркость языкового “портрета” кожи задана самой природой явления и логикой наивно-языковой концептуализации мира.

²⁷ Ср.: “Считается, что после трех лет совместной жизни семья, как живой организм, обзаводится кожей, которая скрепляет пару в единое целое” [http://budetsvadba.ru/story/godovshchina_svadbi_kojanaia_svadba.html].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Утехин И.В. Представления русских о коже // Кодови словенских култура. 1999. № 4. С. 98–110.
2. Гура А.В. Шкура // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 2012. Т. 5. С. 579–581.
3. Митология на човешкото тяло. Антропологичен речник. София, 2008.
4. Българска народна медицина. Енциклопедия. София, 1999.
5. Агапкина Т.А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении. Сюжетика и образ мира. М., 2010.
6. Валодзіна Т.В. Цела чалавека: слова, міф, рытуал. Мінск, 2009.
7. Этимологический словарь славянских языков: Пра-славянский лексический фонд. М., 1974–. Вып. 1–.
8. Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1968.
9. Snoj M. Slovenski etimološki slovar. Ljubljana, 2003.
10. Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.
11. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1978–. Т. 1–.
12. Болгарско-русский фразеологический словарь. М., 1974.
13. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
14. Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
15. Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
16. Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–. Вып. 1–.
17. Крейдлин Г.Е., Переверзева С.И. Части тела в русском языке и русской культуре. [Электронный ресурс]: Проект Института лингвистики РГГУ. URL: http://www.llsh.ru/2007/papers/Kreyd_Perev2007.pdf
18. Аркадьев П.М., Крейдлин Г.Е. Части тела и их функции (по материалам русского языка и русского языка тела) // Слово и язык. Сборник к восьмидесятилетию академика Ю.Д. Апресяна. М., 2011. С. 41–54.
19. Skorupka S. Słownik frazeologiczny języka polskiego. Warszawa, 1967–1968. Т. I–II.
20. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2007.
21. Русские народные пословицы и притчи / Сост. И.М. Снегирев. М., 1995.

22. *Юрчанка Г.Ф.* Народнае мудраслоўе: Слоўнік. Мінск, 2002.
23. *Прокошева К.Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002.
24. Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. W oparciu o dzieło Samuela Adalberga / Red. J. Krzyżanowski, S. Świrko. Warszawa, 1969–1978. T. 1–4.
25. Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд, 1959–. Књ. 1–.
26. *Zaorálek J.* Lidová rčení. Praha, 1963.
27. Речник српскохрватскога књижевног језика. Нови Сад; Загреб, 1967–1976. Књ. 1–6.
28. *Березович Е.Л., Виноградова Л.Н.* Шуликуны // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 2012. Т. 5. С. 583–585.
29. *Синица Н.А.* Лексика народной демонологии Павинского района // Живая старина. 2010. № 3. С. 43–46.
30. Каргопольский архив этнолингвистической экспедиции РГГУ: база данных (Российский государственный гуманитарный университет, лаборатория фольклора).
31. Словарь псковских пословиц и поговорок. СПб., 2001.
32. Новгородский областной словарь. Новгород, 1992–1995. Вып. 1–12.
33. Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967–. Вып. 1–.
34. *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1994.
35. *Ничева К., Спасова-Михайлова С., Чолакова К.* Фразеологичен речник на българския език. София, 1974–1975. Т. 1–2.
36. Селигер: Материалы по русской диалектологии: Словарь. СПб., 2003–. Вып. 1–.
37. Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.
38. *Геров Н.* Речник на българския език. София, 1973–1978. Т. 1–6.
39. *Mokienko V., Wurm A.* Česko-ruský frazeologický slovník. Olomouc, 2002.
40. Slovník slovenského jazyka. Bratislava, 1959–1968. D. I–VI.
41. *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1967–1976. T. 1–7.
42. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994–2005. Вып. 1–6.
43. *Чабаненко В.А.* Словник говірок Нижньої Наддніпрянщини. Запоріжжя, 1992. Т. 1–4.
44. Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР (Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия). Саранск, 1978–2006. Т. 1–8.
45. Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П.А. Дилакторского 1902 г. СПб., 2006.
46. *Пащенко В.А.* Материалы к словарю фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Читинской области. Чита, 1999. Ч. 1–2.
47. *Подюков И.А., Поздеева С.М., Свалова Е.Н., Хоробрых С.В., Черных А.В.* Словарь русских говоров Южного Прикамья. Пермь, 2010–. Вып. 1–.
48. Slovar slovenskega knjižnega jezika. Ljubljana, 1970–1991. Knj. 1–5.
49. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских народных сравнений. М., 2008.
50. *Bartoš F.* Dialektický slovník moravský. Praha, 1905–1906. D. 1–2.
51. Българска митология. Енциклопедичен речник / Съст. А. Стойнев. София, 2006.
52. Софийски край. Етнографски и езикови проучвания. София, 1993.
53. *Белова О.В.* Этнокультурные стереотипы в славянской народной традиции. М., 2005.
54. Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры / Сост. Н.А. Ставшина. СПб., 2008. Т. 1–2.
55. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. JAZU. Zagreb, 1880–1976. D. 1–23.
56. *Седакова И.А.* Цветообозначения и их место в символике славянских родин // Кодови словенских култура. 5. Београд, 2001. С. 57–65.
57. *Седакова И.А.* Купание младенца // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 3. М., 2004. С. 51–54.
58. Словарь пермских говоров. Пермь, 1999–2002. Вып. 1–2.
59. Словарь русских говоров Башкирии: А–Я. Уфа, 2008.
60. Словарь донских говоров Волгоградской области. Волгоград, 2006–. Вып. 1–.
61. Фразеологічний словник української мови. Київ, 1993. Кн. 1–2.
62. Українські приказки, прислів'я і таке інше. Уклад М. Номис. Київ, 1993.
63. *Мяцельская Е.С., Камароўскі Я.М.* Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі. Мінск, 1972.
64. Ярославский областной словарь. Ярославль, 1981–1991. Вып. 1–10.
65. Словарь смоленских говоров. Смоленск, 1974–2005. Вып. 1–11.
66. *Насовіч І.І.* Слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1983.
67. Словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1999–2006. Т. 1–5.

68. Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања. Скопје, 1961–1966. Т. I–III.
69. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964–1973. Т. I–IV.
70. *Седакова И.А.* Фольклорно-языковой образ *испуга* у болгар (на материале народной медицины) // Топоровские чтения I–IV. Избранное. М., 2010. С. 171–180.
71. *Trávniček Fr.* Slovník jazyka českého. Praha, 1952.
72. *Кобелева И.А.* Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. Сыктывкар, 2004.
73. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русских поговорок. М., 2008.
74. *Младенов Ст.* Български тълковен речник с оглед към народните говори. София, 1951. Т. 1.
75. *Záturský A.P.* Slovenské přísloví, porekadlá, úsloví a hádanky. Bratislava, 2005.
76. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М., 1880–1882 (1989). Т. I–IV.
77. *Караџић В.С.* Сабрана дела. Књ. 9. Српске народне пословице. Београд, 1965.
78. Фразеологический словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1983.
79. *Аркушин Г.Л.* Словник західнополіських говірок. Луцьк, 2000. Т. 1–2.
80. Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны. Менск, 1929.
81. Příruční slovník jazyka českého. Praha, 1935–1957. D. 1–8.
82. Česko-ruský slovník. Praha, 1958.
83. Словарь русских донских говоров. Ростов-на-Дону, 1975–1976. Т. 1–3.
84. *Юрчанка Г.Ф.* Слова за слова. Устойливыя слова-злучэнні ў гаворках Месціслаўшчыны. Мінск, 1977.
85. *Ткаченко П.* Кубанский говор: Опыт авторского словаря. М., 1998.
86. Архангельский областной словарь. М., 1980–. Вып. 1–.
87. *Сергеева Л.Н.* Материалы для идеографического словаря новгородских фразеологизмов. Великий Новгород, 2004.
88. Словарь русских говоров Низовой Печоры. СПб., 2003–2005. Т. 1–2.
89. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.
90. АBBYU Lingvo x 3: шесть языков. Электронный словарь.
91. Верхнелужицко-русский словарь / Сост. К.К. Трофимович. М., Бауцен, 1974.
92. *Zeman H.* Słownik górnołużyczko-polski. Warszawa, 1967.
93. *Емельянович В.М.* Да слоўніка фразеалагізмаў Берасцейшчыны // Жывое наша слова: Дыял. зб. Мінск, 2001. С. 301–307.
94. *Иванович С., Петранович И.* Русско-сербский словарь. М., 1976.